

УДК 167.7

DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-1-62-73

ЭПИСТЕМИЧЕСКИЙ ЛИДЕР В ДИНАМИКЕ КУЛЬТУРЫ. ПРИМЕР ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Касавин Илья Теодорович – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: itkasavin@gmail.com; ORCID: 0000-0002-1233-3182

В статье выдвигается тезис о том, что природа искусственного интеллекта (ИИ) существенно зависит от природы человека. Она, вместе с тем, не может быть понята как копирование или развитие человеческих способностей. ИИ представляет собой инструмент для удовлетворения и самореализации человека подобно тому, как сам человек является инструментом общества и культуры. Этот тезис претендует на разрешение современной контroversы техники, которая сталкивает, с одной стороны, технику как копирование и продолжение человеческой руки, как изобретение, искусственно увеличивающее способности человека во имя его свободы, и, с другой стороны, технику как отчуждённую от человека и противопоставленную ему, враждебную искусственную реальность, в которой человек теряет свою свободную сущность. Человек как творец-изобретатель противопоставит человеку как конструктору искусственного, ненастоящего мира. И когда встаёт вопрос о применимости термина «творчество» к работе и результатам ИИ, то удостоверить этот статус люди могут только относительно той программы, которая была в него заложена. Подобно этому, и в отношении человека статус творческого результата обеспечивает и удостоверяет не столько сам индивид, сколько общество. Тем самым ИИ подобен человеку в его ограниченности и зависимости от своего творца. При этом современное развитие ИИ в состоянии превратить его в культурного лидера, который, как и лидеры предшествующих культурных эпох, не может обойтись без человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), творчество, контroversа техники, естественное и искусственное, культурный лидер, субъективность

Цитирование: Касавин И.Т. Эпистемический лидер в динамике культуры. Пример искусственного интеллекта // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2024. Т. 7. №1. С. 62-73. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-1-62-73

Рукопись получена: 21 декабря 2023

Пересмотрена: 2 марта 2024

Принята: 4 марта 2024

EPISTEMIC LEADER IN THE DYNAMICS OF CULTURE. EXAMPLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Ilya T. Kasavin – PhD DSc in Philosophy, Professor, Correspondent Member of the Russian Academy of Science, Principal Investigator, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow 109240, Russian Federation;
e-mail: itkasavin@gmail.com;
ORCID: 0000-0002-1233-3182

The article puts forward the thesis that the nature of artificial intelligence (AI) significantly depends on human nature. At the same time, one can hardly grasp AI as copying or developing human abilities. AI is the same tool for the satisfaction and self-realization of a person, as a person is an instrument of society and culture. This thesis claims to resolve the modern controversy of technology. The latter confronts technology as a copy and continuation of the human hand, as an invention artificially increasing human abilities in the name of human freedom, on the one hand, with technology as alienated from man and opposed to man, hostile artificial reality, in which man loses his free essence, on the other. Man as a creator-inventor opposes man as a designer of an artificial, unreal world. Thus, when the question arises about the applicability of the term “creativity” to the work and results of AI, then only people can certify this status with respect to the initially installed program. Similarly, in relation to a person, it is much more society that provides and certifies the status of a creative result than the individual himself. Thus, AI is similar to man in its limitations and dependence on its creator. At the same time, the modern development of AI is able to turn it into a cultural leader, who, similar to the leaders of previous cultural eras, cannot do without a person.

Keywords: artificial intelligence (AI), creativity, technology counter-analysis, natural and artificial, cultural leader, subjectivity

How to cite: Kasavin, I.T. (2024). Epistemic leader in the dynamics of culture. Example of artificial intelligence. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 7 (1): 62-73. DOI: 10.32326/2618-9267-2024-7-1-62-73 (In Russian).

Received: 21 December 2023

Revised: 2 March 2024

Accepted: 4 March 2024

Изобретение искусственного

Пространство культуры анизотропно, как сказали бы физики, то есть неоднородно, в отличие от геометрического пространства Евклида. В частности, это выражено в разной «высоте» и «плотности» центра и периферии. В истории культуры центральное место всегда было предметом конкуренции. В Древней Греции за него спорили миф и политическое сознание, в средневековой Европе

соревнование разворачивалось между религиозным мистицизмом и схоластикой, в эпоху Возрождения искусство стало оспаривать первенство перед религией, а в Новое время лидерство у всех предшествующих форм культуры постепенно перехватила наука. Сегодня мы настолько захвачены победоносным шествием науки и основанной на её достижениях техники, что вопрос о культурном лидере будущего, как правило, не ставится. Быть может, этот вопрос спровоцирует размышление о современной культурной роли техники.

История культуры напоминает нам об архетипе Дедала – мифического изобретателя, технические достижения которого граничат с искусством и магией. Архимед Сиракузский, Герон Александрийский, Леонардо да Винчи, Иван Ползунов, Бенджамин Франклин, Павел Яблочков, Иван Кулибин, Никола Тесла, Стив Джобс – наглядные примеры этого «техногенного» архетипа, создающего искусственную среду для удовлетворения потребностей человека и реализации его возможностей.

Выражение «искусственный интеллект» (ИИ) является калькой с английского *artificial intelligence* и потому не может быть полностью избавлено от тех лингвистических коннотаций, которые содержатся в английском слове *intelligence*. Оно, как известно, переводится на русский язык как «интеллект», но не только – здесь же и «разум», «умственные способности», «сообразительность», «знания», «сведения», есть даже конспирологический смысл – «разведка» (*Central Intelligence Agency* – Центральное разведывательное управление). И когда к слову «интеллект» прибавляется прилагательное «искусственный», то возникают, среди прочего, коннотации «неестественный», «чужой», «сконструированный», «ущербный».

«Язык – дом бытия», – говорят философы, а потому давайте прислушаемся к языку. Для нас *искусственная* рука может быть сильной, неуязвимой, но её совсем не хочется пожать или поцеловать, и едва ли кто-то согласится поменять свою руку на искусственную.

Искусственные руки, ноги, глаза, зубы, волосы, ногти, суставы уже давно используются людьми, но в основном по необходимости и без особого удовольствия.

Эти оттенки смыслов можно умножить, но вывод уже понятен. Для человека любой его искусственный орган – это протез. Мы вспоминаем фразу Фрейда, озвученную в 1929 г. в тексте «Неудобства культуры» – он назвал человека «Богом на протезах» (Фрейд, 2013). Человек – единственное существо на данной планете, способное изобретать протезы и пользоваться ими. И это не просто дополнительная возможность, открывающаяся человеку в сравнении с ущербностью животных. Это ещё и компенсация собственно человеческой недостаточности, о которой писали немецкие антропологи Арнольд Гелен (Gehlen, 2016) и Хельмут Плеснер (Plessner, 1975). Человеческие ноги не так быстры, как лошадиные – человек

изобретает колесо, велосипед, автомобиль. Человеческие лёгкие не позволяют дышать в воде – отсюда акваланг. Человек не плавает как рыба – отсюда корабль. У человека совсем нет крыльев – и вот, пожалуйста, самолёт.

Человек не слишком одарён и в когнитивном смысле. Он воспринимает мир лишь в определённом диапазоне электромагнитных волн – ему в помощь микроскоп, телескоп и другие приборы. Ему трудно запомнить и передать другому человеку множество фактов, совершать в уме сложные вычисления – изобретается письменность, библиотеки, калькулятор и, наконец, современный компьютер. Человек как материальная субстанция весьма ограничен, однако, как функция, изобретатель, он всегда раздвигает границы.

При всём этом, если мы говорим об ИИ, то неосознанно требуем от него как-то копировать человеческий разум, который берётся за образец. Если это так, то какое же представление о разуме лежит в основе данного требования?

Вероятно, это философская идея разума как интеллектуального микрокосма, соразмерного всему миру и потому способного охватить его в познании (Николай из Кузы). Отсюда и возможность на основе разума построить или перестроить мир, если обнаруживается его частное несовершенство. Разум наделяется всеми совершенными качествами, и вопрос только в том, как любому человеку достичь этой разумности. Философия вплоть до середины XIX в. претендовала на открытие этого пути к подлинно человеческому разуму, к соответствию человека своему понятию, как сказал бы Гегель. Однако затем выяснилась ограниченность и даже наивность этой идеи разума.

Контроверза техники

Сегодня широко распространено недоверие разуму и стремление его ограничить. Наглядный пример тому – событие в корпоративной индустрии интеллектуальных технологий. Недавно с поста генерального директора компании *OpenAI Global* был уволен Сэм Альтман, благодаря которому *ChatGPT-4* с марта 2023 г. за два месяца набрал свыше 100 млн подписчиков. Инициатива увольнения принадлежала Илье Суцкеверу, одному из учредителей компании. Конфликт, среди прочего, выражает собой дилемму между форсированной коммерциализацией ИИ (создание «универсального ИИ» на уровне человеческого) и стремлением развивать его более медленно и ответственно.

Вот так и сформировалась современная контроверза техники. Техника понимается как копирование и продолжение человеческой руки (Карр, 2015), как изобретение, искусственно увеличивающее способности человека во имя его свободы. Или, напротив, она выступает как отчуждённая от человека и противопоставленная ему, враждебная искусственная реальность, в которой человек теряет свою свободную сущность.

В известном лозунге «Знание – сила», обычно и неточно отсылающем к Ф. Бэкону (Касавин, 2020, с. 4-6), в первую очередь идёт речь о знании, реализованном в технике. Изобретение лука и стрел, огнестрельного оружия, современных средств массового уничтожения, биотехнологии, экологические угрозы давно ставят существование человека под вопрос. И тем не менее человек выживает, потому что изобретает адекватные средства управления и контроля техники. Однако ИИ впервые, вероятно, поставил вопрос о возможности автономного существования техники без человека, без потребности в нём. Этот вопрос пока не имеет ответа, но искать его мы обязаны, поскольку в данный момент именно люди создают нечто, что может не просто превзойти их в каком-то конкретном деле, но и отменить человека как изобретателя и пользователя техники вообще. Я выделю два направления поиска такого ответа.

Во-первых, можно пойти известным путём запретов. Так, наложен запрет на клонирование человека, введены ограничения и запреты средств массового уничтожения, сокращены выбросы CO_2 и т. п. Правда, соблюдение этих мер очень трудно контролировать в масштабе планеты. Можно ограничить разработку, использование и обучение ИИ, интегрировать в ИИ обязательные кодексы поведения, принципиально не признавая за ИИ никакого субъектного, самостоятельного статуса. Так издавна поступали с рабами, а ещё недавно – с домашними животными, регламент обращения с которыми целиком определялся их владельцем. Они представляли как живой аналог техники – куплены или выведены искусственно, выращены с участием человека, их существование целиком подчинено потребностям хозяина.

Второй путь намного сложнее. Он требует развития самого человека. Профессиональные спортсмены демонстрируют исключительные физические способности. Профессиональным математикам или музыкантам люди обязаны столь же выдающимися интеллектуальными достижениями. Почему же учёные и инженеры должны расписаться в своём бессилии перед ИИ? Быть может, кооперация с ИИ научит человека тому, что граница между живым и неживым, природным и искусственным, разумным и неразумным не диктуется раз и навсегда кем-то сверху, а определяется в каждый момент заново, текущим уровнем развития науки и техники? Проект ИИ сравним по масштабу с космическим и атомным проектами. Реализация этих проектов, как известно, изменила *космический масштаб* самого человека. Она заставила провозгласить новую эпоху антропоцена (Crutzen, 2002), когда сила человека стала сопоставимой с силами природы. Полагаю, что успехи в создании ИИ дадут шанс человеку ещё раз прыгнуть выше головы. Конечно, хорошо бы при этом не сломать себе шею.

Искусственный интеллект и творчество

Проблема ИИ конкретизируется рядом вопросов, из которых, как мне кажется, следует, что обсуждаемая сегодня проблематика не является технической, а именно – речь идёт не о существе и параметрах ИИ, которые мы должны оценить, так или иначе. Речь о чем-то другом. И вот все пытались это что-то другое нащупать. Я напомним, что в 1950 г. знаменитый вопрос «может ли машина мыслить?» поставил Алан Тьюринг (Turing, 1950); в своей статье в журнале *Mind* он всячески возвышал человека, говоря о том, что машина – это техническое устройство, программа, она мыслить не может, и только человек, который эту машину создал, способен на такие высокие достижения, как мышление. Так вот, с тех пор прошло довольно много времени, и у меня сложилось такое впечатление, что образ человека слегка подувал. Выяснилось, что он очень многое не может, не умеет, не хочет, не знает и т. д. и т. п. – всё с частицей «не». Эта ограниченность человека по существу, конечно, была замечена ещё в середине XIX в., но почему-то всё равно доминировал такой просвещенческий образ человека, будто бы мудрого богоподобного существа, которое обладает знанием, а оно, в свою очередь, является силой.

Сегодня здесь обсуждали такие вещи, которые тоже в значительной степени предполагали, что от ИИ требуется мощь, которой человек обладает. И тогда эти его качества можно оценивать как креативные, поскольку они присущи человеку. На нашем семинаре, например, говорили о том, что творчество – это генерация идей, которых не было. Возникают вопросы: каких идей, и в каком смысле не было? Не было вообще никогда? Но для этого необходимо знать, какие идеи были, а между тем не может быть ни одного человека, который способен определить, какие идеи когда-либо вообще выдвигались, а какие нет. Даже поисковик *Google* этого не знает. И пусть по поводу всех идей в истории сказать что-то трудно, но мы в какой-то мере отдаём себе отчёт в том, высказывали мы лично те или иные идеи или нет. Но если всерьёз воспринимать то, что в нашем обсуждении говорилось о бессознательном, то и вышесказанное ставится под вопрос, потому что в глубине нашего подсознания, нашего бессознательного эти идеи могут быть забыты, существовать в скрытом виде, хотя мы их, может быть, уже и высказывали.

Что же это за творчество и новизна в таком случае? В отношении кого? В отношении всего человечества? Сколько надо копать для того, чтобы выяснить, были эти идеи или нет? И тогда надо копать в человеке, так как предполагается, что идеи существуют как бы в голове. Предполагается, что есть некий внутренний субъективный мир, в котором сидят эти идеи, и мы можем их там откопать, если они когда-либо были сформулированы, а у машины нет никакого внутреннего мира.

Что же, давайте посмотрим с другой стороны. Мы знаем, что машина – это некое техническое устройство, некоторое железо с большой лингвистической программой, которое может жонглировать словами, знаками, объединять их в токены или, точнее говоря, в группы. Человек – это тоже некоторое «железо», которое, как мы видели на сегодняшнем семинаре и не только, всё время жонглирует словами, сами по себе аналогичными токенам. Слова предполагают понятия, а понятия объединяют почти бесконечный класс предметов. И понятия «мир в целом», «бог», «тождество личности» существуют совсем не в голове, а в совокупной культуре человечества. Голова с мозгом – лишь инструмент культуры. Где же тут это субъективное внутреннее пространство, об отсутствии которого мы с таким сожалением говорим применительно к машинам? Мы с вами его никак не можем обнаружить. Это лишь наша теоретическая гипотеза, так же существующая за пределами головы – в тексте и дискурсе.

Аналитические философы в этой связи развернули бурную дискуссию о так называемых квалиа (Van Gulick, 2007), которая фактически продемонстрировала неразрешимость данной проблемы. Мы воспринимаем, допустим, зелёный свет. А что такое зелёный? Существует ли зелёный цвет объективно, или он имеет место только у нас в голове, в сознании? Вообще-то всякий цвет – это электромагнитные волны, превращаемые, вероятно, в субъективный опыт человека. Человек, который никогда не видел зелёного, не знает, что это такое – зелёный, а мы с вами знаем, но не сможем ему объяснить. Этот опыт не может быть транслирован. Вероятно, это довольно сложная концепция с точки зрения возможного обоснования, потому что она апеллирует к тому, что мы наблюдаем сами себя. Но психологи, если иметь в виду научную психологию, давным-давно распрощались с так называемым интроспекционизмом, то есть способом изучения сознания с помощью самонаблюдения, и пришли к тому, что необходимо изучать объективации сознания: человеческое поведение и язык, в первую очередь. Так чем же мы тогда отличаемся от компьютера? Наличие человеческого субъективного мира невозможно доказать объективными средствами – так формулируется тезис об ограниченности функционализма в философии сознания.

И всё же остаётся вопрос о том, можно ли говорить о каком-то внутреннем когнитивном состоянии или даже о мире, который отличается от наблюдаемого поведения? Ведь философы привыкли относить этот мир к сущности человека; признак человека – это способность к пониманию, анализу, рефлексии и т. д. Я не стану в данном случае апеллировать к науке, ограничусь более простым примером. Давайте вспомним что-нибудь о нашем жизненном опыте. Принято считать, что люди всё время общаются и понимают друг друга. Но ведь это, знаете ли, весьма идеалистическое представление о человеческом общении. Вообще типичное человеческое общение – это непонимающее общение. Мы всё время ты-

каемся друг в друга и тыкаемся, иногда это просто надоедает, и люди расходятся в разные стороны, чтобы больше никогда не встречаться. Что касается понимающего общения, то это крайний, вырожденный, как говорят математики, случай. Так почти никогда не происходит.

Пойдём дальше. Человеку, как принято считать, свойственно целеполагание и целесообразное поведение: он формулирует и реализует эту цель. А машина не может ставить цель, у неё программа. Хорошо, мы действительно ставим перед собой цели, но попробуем задаться вопросом: часто ли мы достигаем этих целей в том точном смысле, в котором они сформулированы? Давайте проанализируем нашу деятельность, посмотрим, вспомним, как наша жизнь складывается. Мы можем ставить цели, но мы практически никогда их не достигаем. Мы достигаем чего-то другого. Мы с этим смиряемся, идём дальше. Едва ли это образ субъекта, которому нужно подражать. Вроде бы он совсем не интересен, и даже не стоит конструировать на основе такого образа технические устройства. Они будут неэффективны и наверняка заведут нас в совершенный тупик.

Что такое языковое поведение? Мы говорили о большой лингвистической программе как системе, производящей последовательность так называемых токенов. У человека этому соответствует последовательность фраз и понятий. При этом мы отказываем компьютеру в том, что у него есть внутренний мир. Ведь компьютер – это тот субъект, о котором мы не можем всерьёз мыслить по аналогии, его мы не понимаем. Впрочем, не понимаем мы и животных, а потому считаем, что у них тоже нет внутреннего мира. Тогда есть ли у вашего соседа внутренний мир? Если есть, то вы хотите сказать, что вы знаете этот внутренний мир и вы его понимаете? Но едва ли это обстоит именно так. Впрочем, оставим вопрос о возможном сходстве ИИ и человека, поговорим о том, чем они отличаются друг от друга.

Человек – это всё-таки не только говорящее, но чувствующее, активное существо. У него есть не только мозг и так называемый интеллект, но и руки, ноги, органы чувств, наконец. Когда говорят о сильном ИИ, то имеется в виду, что нужно добавить к самому программному обеспечению и к железу всё остальное – датчики, способность передвижения, способность создания чего-то руками. Зачем всё это нужно? Лишь в этом случае возникнет субъект, поскольку только субъект различает языковую деятельность в рамках программы и то, что за её пределами. Именно человеческое тело с его органами, включённое в деятельность и коммуникацию, позволяет человеку различать свой субъективный мир и реальность. С одной стороны, это то, что происходит в его сознании (или ему кажется, что происходит), а с другой – то, как эти его представления сталкиваются с реальным миром. Мы знаем все последствия и риски, возникающие тогда, когда человек этого не различает. Например, эта дверь закрыта, попробуйте войти в неё, не открывая.

Пусть аргумент доктора С. Джонсона против Дж. Беркли не обладает философской изысканностью, он на это и не претендует. Однако он показывает границы наших абстракций.

Ещё одна очень интересная тема касается творца-художника и ИИ, который тоже творит. Я хорошо знаю одного молодого композитора, весьма талантливого и востребованного, который много работает, написал целый ряд музыкальных произведений, поставил мюзиклы в самых престижных местах нашего российского культурного пространства – от Кремлёвского дворца до Красной Поляны в Сочи. Он рассказывал, как ему однажды нужно было написать учебник по аранжировке, и он решил провести эксперимент – использовать нейросеть. В итоге он был очень доволен результатом, у него всё получилось. Я попросил его рассказать об этом подробнее. «Ну да, мне, конечно, пришлось сначала техническое задание ей объяснить, – сообщил он, – потом пришлось сказать, что вот это здесь не так, это неверно». «И сколько раз?» – спрашиваю я. Он говорит: «Много раз, довольно долго нам пришлось поработать вместе, две недели. В итоге получился вполне достойный учебник. Иначе я бы, конечно, мучился целый месяц, а так, в общем, немножко сэконобил время». Итак, ИИ нуждается в сопровождении профессионала, так как если ты не поставишь задачу, не будешь контролировать и корректировать исполнение, то тогда что у тебя получится? Может быть, я не прав, и выдающееся произведение искусства или выдающееся произведение науки может быть создано ИИ абсолютно самостоятельно. Вместе с тем не так-то просто сказать, что значит эта «абсолютная самостоятельность», потому что ИИ содержит программы, сделанные человеком. Более того, именно при участии выдающегося художника, выдающегося композитора, выдающегося учёного ИИ как раз и будет работать как следует. Мы же прогнозируем, что грядёт не просто какая-то точка бифуркации, а даже гибридизация наших взаимоотношений с машинами, но ведь это уже давно началось. Мы же не кулаком гвозди забиваем, а всё-таки молотком. И копаем землю чаще экскаватором. Следовательно, наши интеллектуальные гвозди тоже будем забивать с помощью компьютера.

Конечно, научное мышление отличается от повседневного, среди прочего, тем, что требует точных определений используемых терминов, и это относится к слову «творчество». Но философия всё время мучается с определением понятий. Она даёт определение, потом пересматривает, затем снова пересматривает. И специальные науки вообще-то тоже пересматривают понятия, хотя и не так часто. Мы постоянно затрудняемся определить, что такое творчество; можем дать, как это обычно бывает, определение, приуроченное к конкретной задаче. Однако мы не в состоянии дать такому сложному явлению, как творчество, всеохватывающее определение, которое годится на века, поскольку не получается найти универсальное родовидовое отличие. Но если мы в рамках какого-то проекта изучаем, что такое творчество, то мы даём определение.

Потом мы его проверяем, смотрим, ограничено ли оно и в какой степени, работает или нет. Так происходит с научными понятиями.

Мы сейчас занимаемся именно таким проектом. У нас есть по меньшей мере два определения творчества. Одно обозначает творчество как некоторые интеллектуальные способности человека, связанные с его психикой, с тем, что он решает задачи, демонстрирует успехи и т. д. Второе же определение исходит из того, что творчество не появляется до тех пор, пока результат человеческой деятельности не попадает на всеобщее обозрение, не включается в какую-то коммуникативную систему, которая удостоверяет, легитимизирует результат. Эта система должна заявить – вот, нам давно этого не хватало, это очень хорошо, давайте будем считать, что это большое достижение. Таков другой вариант определения творчества, и мы часто сталкиваемся с такой ситуацией – придумать мы можем всё что угодно, но кто-то же должен нам подсказать, стоим мы чего-то или нет. В этом отношении мы такие же, как и ИИ; пока нам общество не подскажет, можем ли мы что-то или нет, пока оно это не удостоверит, мы не только не знаем, что сотворили, но даже не являемся субъектами. Субъект не может быть единственным, он становится субъектом лишь вместе и по отношению к другим, и его отношение к реальности самой по себе опосредовано его отношением к другим субъектам. Поэтому представьте себе, что общество – это тот самый подлинный субъект, который творит и удостоверяет результат, а мы с вами просто инструменты, с помощью которых творит это общество. И именно общество решает, что такое креативность.

Итоги

В заключение скажу несколько слов о той культурной роли, которую, вероятно, может сыграть ИИ в своём продвинутом варианте. Мы уже наблюдаем экспансию ИИ в науку, когда вычислительные технологии на основе больших данных вытесняют теоретизирование. Нейросети создают живописные произведения, пишут музыку, поддерживают киберрелигию. Человеческое повседневное существование насыщается интеллектуальными технологиями связи, транспорта, торговли, медицины, финансов, государственного контроля и разнообразной бюрократии. Масштаб вовлечения в жизнь человека техники вообще и ИИ в частности порой вызывает панику в духе технического пессимизма (Кутырёв, 2022). В этом случае ИИ рассматривается как своего рода вирус в контексте пандемии, захватившей всё человечество, а it-специалисты – как жрецы этого беспощадного божества, которым досталась часть его злой власти. Вместе с тем, если использовать исторические аналогии, о которых шла речь в начале статьи, то возникает простая мысль. ИИ может превратиться в особенную форму культуры, обеспеченную технологией и социальным институтом, и в этом виде займёт место современного культурного лидера, которым се-

годня является наука. Разумеется, он будет интегрировать в себя культурные достижения прошлого и использовать их для саморазвития. Однако подобно тому, как не бывает науки без учёных, а бога – без жрецов, так ИИ тоже будет существовать благодаря программистам, техникам, учёным и прочим «интеллектуальным жрецам», которые смогут пользоваться его властью. Человечество, вероятно, переживёт и эту культурную эпоху, выйдя из неё ещё более зрелым и непобедимым.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Касавин, 2020 – *Касавин И.Т.* Наука как политический субъект // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 3-14.
- Кутырёв, 2022 – *Кутырёв В.А.* Чело-век технологий, цивилизация фальшизма. СПб.: Алетейя, 2022. 288 с.
- Фрейд, 2013 – *Фрейд З.* Неудобства культуры / Пер. с нем. Р. Додельцева. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2013. 192 с.
- Crutzen, 2002 – *Crutzen P. J.* Geology of mankind: the anthropocene // Nature. 2002. Vol. 415. P. 23.
- Gehlen, 2016 – *Gehlen A.* Der Mensch: seine Natur und seine Stellung in der Welt. Frankfurt am Main: Verlag Vittorio Klostermann, 2016. 504 S.
- Heidegger, 2000 – *Heidegger M.* Die Frage nach der Technik. In *Heidegger M.* Vorträge und Aufsätze (1936-1953). VIII. Frankfurt am Main: Verlag Vittorio Klostermann, 2000. 298 S.
- Kapp, 2015 – *Kapp E.* Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus Neuen Gesichtspunkten. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2015. 318 S.
- Plessner, 1975 – *Plessner H.* Die Stufen des Organischen und der Mensch. Einleitung in die Philosophische Anthropologie. Berlin; N. Y.: Walter de Gruyter, 1975. 373 S.
- Turing, 1950 – *Turing A.* Computing machinery and intelligence // Mind. 1950. Vol. 59. No. 236. Pp. 433-460.
- Van Gulick, 2007 – *Van Gulick R.* Functionalism and qualia // The Blackwell Companion to Consciousness / Eds. M. Velmans, S. Schneider. Oxford: Blackwell, 2007. Pp. 430-444.

References

- Crutzen, P. J. (2002). Geology of mankind: the anthropocene. *Nature*, 415, 23.
- Freud, S. (2013). *Civilization and its Discontents*. Azbuka-klassika Publ. (In Russian)
- Gehlen, A. (2016). *Der Mensch: seine Natur und seine Stellung in der Welt*. Verlag Vittorio Klostermann.
- Heidegger, M. (2000). Die Frage nach der Technik. In M. Heidegger. *Vorträge und Aufsätze (1936-1953)*. VIII. Verlag Vittorio Klostermann.
- Kapp, E. 2015. *Grundlinien einer Philosophie der Technik. Zur Entstehungsgeschichte der Kultur aus Neuen Gesichtspunkten*. Felix Meiner Verlag.
- Kasavin, I.T. (2020). Science as a political agent. *Sociological Studies*, 7, 3-14. (In Russian)
- Kutyrev, V.A. (2022). *Man of Technology, Civilization of Falsity*. Aletheya Publ. (In Russian)
- Plessner, H. (1975). *Die Stufen des Organischen und der Mensch. Einleitung in die Philosophische Anthropologie*. Walter de Gruyter.
- Turing, A. (1950). Computing machinery and intelligence. *Mind*, 59 (236), 433-460.
- Van Gulick, R. (2007). Functionalism and qualia. In M. Velmans, S. Schneider. *The Blackwell Companion to Consciousness* (pp. 430-444). Blackwell.